

Там, где просыпаются чудеса

Волшебные сказки
о дружбе, смелости
и добрых сердцах

ИИ
Синтия Берроуз

Синтия Берроуз

**Там, где просыпаются чудеса:
Волшебные сказки о дружбе,
смелости и добрых сердцах**

«Автор»

2026

Берроуз С.

Там, где просыпаются чудеса: Волшебные сказки о дружбе, смелости и добрых сердцах / С. Берроуз — «Автор», 2026

Что делать, если привычный мир вдруг перестал быть надёжным, а правильного ответа нет? В Тёплых Ключах дни похожи один на другой — пока двенадцатилетняя Мира не замечает старый колокольчик и не решается последовать за вопросом, который меняет всё. Её ждут тропа, которой нет на карте, лес, умеющий слушать, Тихая гора и королевство без улыбок. На этом пути друзьям предстоит встречаться со страхом и сомнениями, учиться доверять, слышать друг друга и помогать так, чтобы не лишать никого права выбора. Здесь чудеса рождаются не по волшебному взмаху, а из маленьких смелых шагов, честного разговора и добрых дел. Тёплые сказки для детей и взрослых, которые читают рядом с ними. Эта история увлечёт приключениями и мягко напомним: не обязательно быть бесстрашным, чтобы поддержать другого и изменить мир к лучшему. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Там, где просыпаются чудеса	6
Тропа, которой нет на карте	9
Первый друг и звёздный ручей	13
Тайна леса, что слушает сердца	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Синтия Берроуз
Там, где просыпаются чудеса:
Волшебные сказки о дружбе,
смелости и добрых сердцах

Там, где просыпаются чудеса: Волшебные сказки о дружбе, смелости и добрых сердцах

Синтия Берроуз

Там, где просыпаются чудеса

В Тёплых Ключах утро начиналось с одинакового звука: где-то за закрытыми ставнями звякала ложка о чашку, а на площади шаркали метлы. Крыши, покрытые серой черепицей, словно надевали одну и ту же шапку. Двери открывались в привычном порядке: сначала пекарня, потом лавка, потом почта. Даже облака над деревней, казалось, знали, где им положено проплывать.

Двенадцатилетняя Мира спешила за хлебом и по дороге считала капли на водостоке. Их было семь, потом снова семь — сколько ни смотри. На площади она остановилась.

Старый колокольчик висел на железном крюке у края каменной тумбы. Когда-то он, должно быть, был блестящим, но теперь потемнел и покрылся зелёными пятнышками. Мира видела его каждый день и обычно не замечала. Но сегодня ветер гнал по площади сухой лист, шевелил вывеску булочной и трепал ленты на корзине у торговки. Колокольчик тоже качнулся.

И не звякнул.

Мира замедлила шаг. Ветер подул сильнее, будто хотел доказать, что он не из тех, кто сдаётся после первой попытки. Колокольчик качнулся ещё раз — беззвучно.

— Может, он забыл, как звенеть? — спросила Мира.

Пекарь, выносивший на улицу поднос с булочками, посмотрел на неё поверх плеча.

— Железу память ни к чему, — сказал он. — Оно либо звенит, либо нет.

Он произнёс это спокойно, без насмешки, но Мира всё равно почувствовала, как у неё потеплели уши. Вопрос вдруг показался глупым. Она поспешила в булочную и всю дорогу обратно убеждала себя, что просто придумывает странности, потому что ей скучно.

А скучно в Тёплых Ключах было так, что люди научились не замечать скуку. В деревне давно не происходило ничего удивительного. По крайней мере, так говорили взрослые. Если ночью за окном мерцал огонёк, то это была далёкая лампа. Если ручей шумел иначе, чем обычно, — вода после дождя. Если кому-то снился вещий сон, значит, он просто накануне слишком поздно поел.

Вечером Мира рассказала о колокольчике бабушке Варе. Та сидела у окна и зашивала карман на старой куртке. Рядом остывал чай, а на подоконнике лежали нитки, пуговицы и две груши, которые бабушка собиралась испечь завтра.

— Ты думаешь, он сломался? — спросила бабушка.

— Не знаю. Наверное. Я только... заметила.

— Это уже немало.

Мира присела на табурет.

— Пекарь сказал, что железо не забывает.

Бабушка улыбнулась и продела нитку в иголку с третьей попытки.

— Когда я была маленькой, возле нашей школы рос куст, на котором раз в году распускались серебряные цветы. Они держались до рассвета и исчезали, если на них показать пальцем. Учительница говорила, что это иней. А садовник уверял, что у него на участке никакого инея не бывает. Мы спорили, но цветы всё равно приходили. Тогда никто не считал нужным каждое необычное происшествие сразу объяснить.

— А потом они перестали появляться?

— Или мы перестали ждать, — сказала бабушка. — Это не одно и то же.

Мира провела пальцем по краю чайной чашки. Ей хотелось спросить, верит ли бабушка в чудеса, но она боялась услышать ответ. Если бабушка скажет «да», придётся признать, что чудеса возможны. Если скажет «нет» — станет ещё стыднее за свою мысль.

— А если я просто всё выдумала?

— Тогда ты проверишь и узнаешь. Не нужно верить каждому первому предположению. Но и не нужно отталкивать его только потому, что страшно показаться смешной.

Бабушка вернулась к шитью. Мира подумала, что это похоже на совет сначала присмотреться к двери, прежде чем решать, заперта ли она.

У внимания есть своя хитрая привычка. Если звук повторяется, мозг постепенно перестаёт на него отвлекаться: так мы можем не слышать тиканье часов, хотя часы всё ещё тикают. Это называется привыканием. Поэтому знакомое порой исчезает не из мира, а только из нашего внимания. И наоборот: стоит измениться маленькой детали — как Мира заметила тишину колокольчика, — и привычная картина становится вопросом.

Чтобы не путать наблюдение с догадкой, полезно разделять их. «Колокольчик качнулся, но я не услышала звона» — это наблюдение. «Он забыл, как звенеть» — красивая догадка. Она может подсказать, куда смотреть, но пока не обязана быть правдой.

Попробуйте маленькое упражнение, когда какая-нибудь привычная вещь вдруг привлечёт ваше внимание:

1. Остановитесь на минуту и назовите три факта без объяснений: что движется, что звучит, что изменилось.

2. Придумайте два обычных объяснения. Например: колокольчик не звенит, потому что его заслоняет ткань или застрял язычок.

3. Оставьте один вопрос открытым: что ещё я пока не проверил?

Так можно сохранить и любопытство, и ясную голову. Одно не мешает другому. Любопытство зажигает фонарь, а осторожность помогает не принять его свет за всю дорогу.

На следующий день Мира снова пошла через площадь. Ветер дул с реки, и листья перекатывались по камням. Колокольчик качался, по-прежнему молча.

Мира огляделась. Никто не задерживал на нём взгляда. Женщина у овощной лавки поправляла яблоки; почтальон запирает велосипед; двое мальчишек спорили, чей бумажный кораблик быстрее доплывёт до стока. Колокольчик был частью площади, как трещина в плитке или пятно от мороженого на стене.

Мира подошла ближе. Сначала она просто посмотрела: старый металл, железный крюк, узкий язычок внутри. Потом осторожно сняла колокольчик, чтобы проверить, не заело ли его. Он качнулся в её руке. Язычок ударился о стенку, но вместо чистой ноты прозвучало лишь короткое, глухое «тук».

Мира потрясла колокольчик ещё раз. Потом прислушалась. Только шум ветра, голоса с улицы и собственное дыхание.

Колокольчики звенят благодаря вибрации: когда язычок касается металла, тот начинает колебаться, и эти колебания передаются воздуху как звук. Если металл удерживать слишком крепко, вибрация может затихнуть. Если язычок застрял, звона не получится. Это были обычные объяснения, и Мира проверила их одно за другим: язычок двигался свободно, внутри ничего не застряло, её пальцы не сжимали колокольчик.

Она не нашла ответа. Но не спешила объявлять это чудом. Пока она просто знала, что проверила несколько возможных причин.

Мира бережно вытерла с колокольчика пыль рукавом и повесила его обратно на крюк. Проволочная петля легла на железо ровно. В этот миг налетел порыв ветра. Колокольчик качнулся, и Мира наклонилась к нему.

Она приложила ухо к тёмному металлу.

Сначала ничего не произошло. Потом сквозь шум площади пробилось что-то тихое и глубокое:

тук...

пауза...

тук...

Это был не звон. Скорее, далёкое сердцебиение — такое медленное, будто кто-то очень большой спал под землёй и во сне вспоминал, что пора просыпаться.

Мира отстранилась и прижала пальцы к запястью. Её собственный пульс торопился после волнения. А тот, другой, звучал ровно и неторопливо. Она снова приложила ухо к колокольчику. Тихий ритм повторился.

— Ты чего там слушаешь? — спросил почтальон, проходя мимо.

Мира подняла голову.

— Вы ничего не слышите?

— Только ветер, — ответил он и продолжил путь.

Мира посмотрела на площадь. Всё оставалось прежним: закрытые ставни, пустой фонтан, яблоки в ровных рядах. Но теперь тишина казалась не пустой. В ней что-то ждало.

Старую липу на краю площади Мира знала с детства. В её корнях прятались гладкие камешки, а летом на нижней ветке неизменно висело забытое кем-нибудь ведёрко. На школьном плане деревни липа была обозначена маленьким зелёным кружком. За ней начиналась обычная улица, потом поле, потом дорога к мосту. Никакой тропы там не значилось.

Мира обернулась на колокольчик. Ветер стих, листья на земле перестали ползти по камням.

И тогда у корней липы проснулся золотой свет.

Он не вспыхнул и не разлил сияние по всей площади. Появился тонкой полосой, будто кто-то провёл по земле светлой нитью. Нить скользнула между корнями, обогнула камень и протянулась дальше, к краю деревни. Там, где на карте была только пустая зелёная полоса.

Мира моргнула. Свет остался.

В окнах никого не было. Никто не ахнул, не позвал соседей, не бросился к липе. Мира хотела окликнуть кого-нибудь — и не позвала. Ей всё ещё было страшно. Вдруг она ошибается? Вдруг это отблеск фонаря или усталость? Вдруг завтра ребята в школе станут повторять её слова смешными голосами?

Но страх не отменял того, что она видела. Он только просил быть осторожной.

Мира ещё раз оглядела площадь, проверяя, не отражается ли свет от стекла. Потом посмотрела на линию у корней. Ей не нужно было прямо сейчас объяснять, кто её зажёт и куда она ведёт. Достаточно было решить, что она сделает дальше.

Чудо не обязано сначала доказывать, что оно чудо. Иногда достаточно заметить необычное, проверить, что можно проверить, и не закрывать дверь перед тем, чего пока не понимаешь.

Мира шагнула к липе. Она не стала бежать и не сказала себе, что теперь верит всему на свете. Она только решила посмотреть поближе.

Её первый шаг лёг на край золотой полосы. А тропа, которой не было на карте, будто ждала, когда Мира заметит следующий.

Тропа, которой нет на карте

Однажды человек выходит из автобуса на остановку раньше и обнаруживает, что привычный путь домой изменился. На месте булочной — стройка, знакомый двор огорожен, а улица, которая всегда вела прямо, теперь упирается в высокий забор. Карта в телефоне еще несколько секунд уверенно показывает дорогу сквозь него. И вот уже нужно не просто найти поворот, а решить, чему доверять: старому маршруту, экрану или собственным глазам.

Мира стояла у старой липы на краю деревни и смотрела туда, где между ветвями дрожал золотой свет.

Он не был похож на закат. Закат медленно окрашивает небо, а этот свет жил в одном месте: то вспыхивал, то пригасал, словно кто-то за деревьями прикрывал ладонью маленький фонарь. Мира видела его и вчера, и позавчера. Но сегодня он будто ждал именно ее.

— Там нет дороги, — сказала мама, когда Мира спросила об этом за завтраком.

Мама не произнесла «туда нельзя» и не сказала, что девочка все выдумала. Просто ответила так, как отвечают на вопрос о месте, которого нет на карте.

Это, разумеется, было не одно и то же.

Мира разложила на столе карту леса. Она знала ее почти наизусть: вот дубовая роща, вот каменистая ложбина, вот ручей, который летом пересыхал. За лесом белело пустое место, обведенное тонкой линией. Карта не говорила, что там ничего нет. Она лишь умалчивала.

Когда Мира наклонилась ближе, ей показалось, что лес вокруг белого пятна складывается внутрь, как ладонь, прикрывающая что-то хрупкое. Обычная дорога проходила рядом, огибала пустоту и возвращалась к знакомым холмам. Но тонкая карандашная линия, которую когда-то провел на полях дедушка, обрывалась у самой липы.

Мира собрала небольшой мешок: карту, хлеб, флягу с водой, компас и шарф. Компас дедушка называл полезным прибором, но предупреждал: «Он показывает север, а не то, чего ты хочешь». Тогда Мира считала это шуткой.

У липы она еще раз развернула карту. На бумаге все оставалось по-прежнему: знакомые тропы, ручей, белое пятно. Золотой свет за ветвями тоже никуда не исчез.

Мира сделала шаг в лес.

Сначала все было привычным. Под ногами шуршали прошлогодние листья, на коре ближнего бука темнел старый след от молнии, а между стволами виднелась широкая дорога, по которой деревенские ходили за грибами. Мира легко узнавала повороты. Она проверяла карту не потому, что терялась, а потому, что так было спокойнее.

Потом тропа прошла мимо камня с пятном белого лишайника — и впереди показался еще один такой же.

Мира остановилась. Камни могли быть похожими. Лес полон похожих камней. Она присела, разглядела тонкую трещину на поверхности, заметила в ней сухую сосновую иголку. Вспомнила: точно такая иголка лежала в трещине на первом камне.

Она оглянулась. Первого камня за спиной не было.

Вместо него стояла береза с тремя сучьями, будто поднявшая к небу растопыренные пальцы. Березу Мира видела дальше по дороге, у поваленного ствола. Она была уверена.

Это не доказывало, что лес переместился. Но доказывало, что сейчас ей лучше смотреть внимательнее.

В незнакомой ситуации легко перепутать то, что мы знаем, с тем, что только предполагаем. «Я видела этот камень» — знание. «Значит, я уже здесь проходила» — вывод. Иногда вывод верен, иногда нет. Мира достала карту и стала отмечать пальцем не то, где, как ей казалось, она находится, а то, что действительно могла назвать: береза, ложбина, ручейный запах,

свет между стволами. Так карта оказалась полезной даже там, где перестала давать готовый ответ. Она помогала сравнивать.

Компас в руке дрожал. Красная стрелка неохотно поворачивалась, и Мира несколько раз крутанула корпус, пытаясь совместить ее с направлением дороги на карте. Стрелка упрямо возвращалась к северу.

— Ну же, — прошептала девочка, словно компас мог передумать.

Ничего не изменилось. Тогда Мира сообразила, что просит прибор не показать направление, а подтвердить ее желание. Она положила компас на плоский пень, отпустила его и отступила на шаг. Стрелка успокоилась.

И тут на карте появилось нечто новое.

Из белого пятна к липе тянулась тонкая серебряная линия. Она была почти незаметна, как волосок на бумаге, и исчезала, если Мира наклонялась слишком резко. Девочка замерла. Линия не показывала, куда идти дальше. Она лишь отмечала: путь существует.

Мира убрала карту, не пытаясь обвести серебряный след пальцем. Иногда достаточно знать, что перед тобой не пустота, а место, которого ты еще не изучила.

За пнем дорога разветвлялась у поваленного дерева. Один проход был широким, сухим и удобным: ветви не цепляли одежду, земля под ними казалась ровной. Второй узкой полосой уходил между корнями. Там темнела влажная почва, папоротники были примяты, а несколько тонких веточек сломаны на высоте Мириного плеча.

Мира не знала, какой проход безопаснее. Удобный казался проще. Но он был слишком чистым — будто никто не ходил по нему давно, хотя на земле не осталось ни листьев, ни следов. В узком проходе были признаки того, что там кто-то недавно прошел. Это тоже ничего не гарантировало: сломать ветку могла птица, примять папоротник — упавший дождь. Но у Мира появились наблюдения, а не только догадки.

Можно было бы подбросить монету, вернуться к липе или встать и ждать, пока лес решит за нее. Но ни один из этих способов не отменил бы того, что выбор все равно придется сделать — даже выбор не решать пока.

Мира прислушалась. Из узкого прохода доносился тихий звук воды. Из широкого — сладковатый аромат, похожий на запах меда. Она вдохнула медленно, затем еще раз. От тревоги мысли сначала становились тесными: взгляд цеплялся за то, что пугало, и пропускал остальное. Спокойное дыхание не сообщало, где правильная дорога, зато возвращало ей внимание. Мира снова заметила примятый папоротник, сломанную ветку и слабый звук воды.

— Я выберу этот, — сказала она, указывая на узкий проход. — Потому что здесь есть следы прохода и слышна вода. Я буду смотреть под ноги. Если станет опасно, остановлюсь.

Лес ничего не ответил. Но когда Мира поставила ногу на землю, под носком проступила серебристая полоска. Не яркая дорожная черта, а тонкий блеск, похожий на свет под поверхностью льда. Второй шаг — и появилась следующая. Тропа не возникла вся сразу. Она проступала там, где Мира уже решила идти и готова была отвечать за свой шаг.

А за спиной исчезала.

Мира оглянулась: проход, которым она пришла, больше не был виден. Между деревьями стояли только стволы. Девочка почувствовала, как внутри поднимается тревога, и крепче взяла лямку мешка. Но не бросилась бежать. Она вспомнила, чему учил дедушка: если потерял направление, сначала остановись, потом посмотри, что именно изменилось. Мира назвала про себя три вещи, которые знала наверняка: у нее есть карта, вода и хлеб; под ногами — земля, а не пустота; впереди слышен ручей.

Это не решило всех проблем. Зато тревога перестала быть единственным голосом в голове.

Вдоль тропы один за другим вспыхнули огоньки. Светлячки поднимались из папоротника, медленно плыли между ветвями и исчезали, когда Мира торопилась за ними. Стоило

ей остановиться — они снова появлялись впереди. Девочка не побежала следом. Она шла спокойно, отмечая повороты, слушая лес и время от времени сверяясь с картой.

У светлячков, как у любых живых существ, свой ритм. Настоящие светляки создают свет благодаря химической реакции в своем теле — это называется биолюминесценцией. Вечерний лес кажется волшебным, даже если не всякое его чудо можно объяснить одним словом. Впрочем, Мира не знала, были ли эти огоньки настоящими светлячками. Некоторые из них светились слишком ровно, будто помнили маленькие звезды.

Тропа петляла. Иногда она проступала впереди, иногда исчезала под корнями и возникала снова по другую сторону. Дважды Мира останавливалась, чтобы проверить, не сбилась ли с пути. Один раз нашла свежий след на мягкой земле — маленький, с узкой пяткой. Второй раз услышала, как ветер шевелит листья справа, хотя ветра слева не было. Она не стала решать, что это обязательно знак. Просто запомнила.

Если вы когда-нибудь окажетесь перед своим незнакомым поворотом — новым делом, трудным разговором или переменой, — попробуйте такой короткий прием:

1. Назовите три факта, которые можете проверить. Например: «Я получил письмо», «ответ нужен к пятнице», «я могу попросить разъяснение».

2. Отделите от них предположения. «Все будут недовольны» — пока не факт, а прогноз.

3. Выберите небольшой следующий шаг, который опирается на факты. Не весь путь целиком — только следующий шаг.

4. Решите, когда остановитесь и пересмотрите выбор. Ответственность — не обещание никогда не ошибаться, а готовность замечать последствия.

В обычном лесу к этому стоит добавить простые правила безопасности: заранее сообщить близким маршрут, взять заряженный телефон и не уходить в незнакомое место в одиночку. Любопытство помогает исследовать мир, но не отменяет осторожности.

У самой опушки деревья сплелись ветвями в арку. Они переплетались так плотно, что проход под ними казался темным. Светлячки собрались возле арки и замерли, будто ждали.

Мира остановилась перед ней. Золотой свет теперь был по ту сторону. Девочка могла вернуться, если бы нашла дорогу назад. Но она уже понимала: прежний маршрут исчез не потому, что лес хотел ее наказать. Просто этот путь не был прямой линией, которую можно запомнить с первого раза. Он менялся вместе с тем, что Мира замечала и выбирала.

На карте серебряная дорожка дошла до края белого пятна и там оборвалась. Дальше карта снова была просто бумагой.

Мира шагнула под ветви.

За аркой лежал ручей. На воде дрожали звезды — хотя над головой не было ни одной. Они плыли по течению, отражаясь в темной глади, и мерцали не ярче светлячков. Мира присела у берега. Хлеб в мешке, карта, компас, холодная вода во фляге — все это по-прежнему было при ней. Она не потеряла вещи. Но прежним способом вернуться не могла: за спиной стояла арка, а за ней тянулся лес, в котором не было ни знакомой тропы, ни повторяющихся ориентиров.

Страшно ей не было. Но было непривычно, а непривычное часто сначала кажется похожим на страх.

Мира посмотрела на карту. Серебряная линия теперь светилась и на самом белом пятне — но только до ручья. Девочка поняла, что карта не обещала показать ей весь путь. Она лишь помогла увидеть, где заканчиваются ее прежние знания и начинается возможность узнать новое.

На другом берегу что-то шевельнулось.

Из-за корней вышел мальчик примерно Мириного возраста. Один рукав у него был мокрый, а в волосах застрял лист. Он держал в ладонях маленький огонек — не такой, как свет-

лячок, а похожий на звездочку, которую можно осторожно спрятать от ветра. Мальчик поднял глаза и посмотрел на Миру.

Несколько мгновений они молчали. Потом он улыбнулся — чуть неуверенно, словно тоже не знал, какой путь приведет к знакомству.

Мира улыбнулась в ответ.

Она еще не знала его имени и не знала, что именно с этого взгляда начнется ее первая дружба. Пока она знала только одно: тропа привела ее не к готовому ответу, а к кому-то, кто тоже стоял у края неизвестного.

В жизни, как и в сказке, не каждый путь заранее нанесен на карту. Иногда лучший ориентир — не стрелка, которая обязана указать все за тебя, а внимательный взгляд, честное признание «я пока не знаю» и следующий шаг, выбранный с заботой о себе и других. Чудеса начинаются не тогда, когда исчезает всякая неуверенность, а когда мы учимся идти рядом с ней, не переставая замечать мир.

Первый друг и звёздный ручей

Иногда дружба начинается с простого вопроса: «Можно я сяду рядом?» На школьном дворе этот вопрос может прозвучать громче колокольчика. Один ребёнок уже готов протянуть ладонь, другой крепче прижимает к себе рюкзак и смотрит настороженно. Ни один не обязательно хочет обидеть другого. Просто один боится получить отказ, а второй ещё не знает, безопасно ли доверять незнакомцу. Так бывает и у взрослых — только вместо рюкзака у них деловые улыбки, занятые телефоны и фразы вроде «Я сам справлюсь».

У ручья, который тек по лесу и отражал небо даже в безлунную ночь, Мира тоже не знала, кому можно верить.

Она шла по узкой тропе, прислушиваясь к воде. После долгой дороги ей хотелось найти место, где можно передохнуть и понять, куда идти дальше. Ручей обещал показать путь: на его поверхности звёзды мерцали ярче, чем в небе, а течение будто шептало что-то своё.

И вдруг из кустов донёсся рык.

Мира остановилась.

Рык повторился — громче, грознее, с таким надрывом, словно его хозяин очень старался произвести впечатление.

— Если ты собираешься меня съесть, — сказала Мира, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, — предупреждаю: я сегодня не особенно вкусная. Весь день ела сухие лепёшки.

Из кустов вылетело облачко искр.

Затем послышался кашель, будто кто-то проглотил собственный рык.

Мира осторожно раздвинула ветви. На берегу лежал маленький дракончик. Его чешуя отливала цветом тёмного мха, а прозрачное крыло запуталось в длинных светящихся водорослях. Водоросли тянулись из ручья, переливались синим и серебряным и обвивали перепонки крыла всё туже.

Дракончик попытался подняться и снова зарычал.

Из его пасти опять вылетели искры — на этот раз совсем крошечные, похожие на светлячков, которым неловко за чужое поведение.

— Я не боюсь, — быстро сказал он.

— Хорошо, — ответила Мира. — А я не собиралась проверять.

Они посмотрели друг на друга. Мира заметила, как дракончик прячет повреждённое крыло за спиной. Он заметил, как она не спускает с него глаз и держит руку поближе к карману, где лежал дорожный нож. Оба старались казаться спокойнее, чем были.

— Как тебя зовут? — спросила Мира.

— Лумо.

— Я Мира.

— Я знаю, — сказал он и тут же смутился. — То есть... я слышал, как тебя называли деревья. Они иногда болтают.

— Надеюсь, они не рассказали им ничего слишком личного.

Лумо чуть улыбнулся, но улыбка исчезла, когда водоросли снова дёрнули его крыло.

— Я могу помочь, — сказала Мира.

— Не надо! Я сам.

Он напрягся и взмахнул здоровым крылом. Потом расправил второе — то самое, которое было свободно, — оттолкнулся от земли и подпрыгнул. На мгновение его лапы оторвались от мха. Дракончик взмахнул крыльями ещё раз, рухнул на бок и зашипел.

Мира не засмеялась. Но заметила, как быстро он посмотрел на неё: успела ли она увидеть?

— Ты пытался взлететь? — спросила она.

— Я... просто проверял ветер.

— На вкус?

— На направление, — буркнул Лумо.

Мира посмотрела на его крыло, затем на водоросли. Она могла бы подойти и сразу потянуть за светящиеся нити. Возможно, освободила бы его быстрее. Но Лумо отпрянул даже от её осторожного движения.

— Можно я прикоснусь к твоему крылу? — спросила она. — Только чтобы ослабить водоросли. Если станет больно или ты захочешь, чтобы я остановилась, скажи.

Лумо моргнул. Рык, который он, похоже, приготовил заранее, так и не прозвучал.

— Ты спрашиваешь разрешения у дракона?

— А надо у кого-то другого?

Он посмотрел на своё крыло, потом на Миру.

— Можно. Только... не тяни за край. Там чувствительно.

— Поняла.

Мира присела рядом, не приближаясь больше, чем нужно. Она коснулась первой водоросли двумя пальцами и остановилась.

— Так нормально?

— Да.

Она медленно ослабила сияющую петлю. Водоросль была тонкой, но крепкой, будто соткана из лунного света. Лумо вздрогнул, когда нить зацепилась за чешуйку.

— Больно?

— Нет. Просто щекотно. И немного унижительно.

— Щекотка — известный враг достоинства, — сказала Мира.

Лумо фыркнул. На этот раз из его носа вылетела всего одна искра.

Пока Мира распутывала крыло, вода начала подмывать берег. Накануне прошёл дождь, и ручей стал быстрее. Под лапами Лумо осыпался влажный мох, за ним поехали мелкие камни. Если бы берег обрушился, вода смыла бы и водоросли, и всё, что лежало у кромки.

— Камни! — крикнула Мира. — Прижми их хвостом, пока я освобожу крыло!

Лумо перестал следить за её руками и развернулся к берегу. Хвостом он удержал крупный камень, передними лапами подтолкнул ещё два. Мира успела развязать последнюю светящуюся петлю. Крыло расправилось не сразу — осторожно, словно вспоминало, что оно свободное.

— Получилось, — сказала Мира.

Лумо посмотрел на неё, но ничего не ответил. Он всё ещё удерживал камни, и вода бурлила у самых его лап.

— Теперь ты можешь отпустить, — сказала она. — Я подставлю этот.

Вдвоём они укрепили край берега. Мира выбирала плоские камни, Лумо подталкивал их туда, где вода вымывала землю. Он оказался удивительно точным: маленькие лапы не дрожали, а хвост работал как третья рука.

Только когда берег перестал осыпаться, Мира заметила свет в грязевой лужице у самой воды. Там лежало нечто круглое и золотистое — не больше сливы. Оно светило изнутри и едва заметно дрожало.

— Звезда, — прошептал Лумо.

— Настоящая?

— Упавшая. Ночью их иногда приносит сюда течение. Если звезда долго лежит в грязи, она перестаёт видеть отражение неба.

— А можно просто поднять её?

Лумо помедлил.

— Можно. Но берег снова поплывёт, а звезду может утянуть под корягу. Я хотел подлететь и достать её, — добавил он тихо. — Я думал, что сумею.

Он не смотрел на Миру. Ему больше не нужно было притворяться, что он проверял ветер.

— Ты умеешь летать? — спросила она.

— Пока нет. Я тренируюсь. Обычно.

В его голосе не было вызова. Только страх услышать знакомый ответ: «Тогда зачем ты вообще полез?»

Мира посмотрела на крыло, которое он берёт, на мокрый берег, удержанный его хвостом, и на камни, которые они только что уложили вместе.

— Я тоже не всегда умею сразу понять, кому доверять, — призналась она. — Иногда боюсь, что обещание окажется ловушкой. Поэтому мне проще смотреть, что человек делает.

— А если я не умею того, что обещал?

— Тогда лучше сказать. Это не всегда приятно, зато можно придумать, что делать дальше.

Лумо молча кивнул. Мира не стала убеждать его, что теперь они лучшие друзья. Они только начали знакомиться. Но он уже показал, что способен удержать берег, пока она освобождает крыло. А она показала, что не станет хватать его, даже если торопится помочь.

Для звезды они не стали колдовать. Мира принесла плоские камешки и уложила их в неглубокую ложбинку, ведущую от лужицы к ручью. Лумо проверял хвостом, не сдвигается ли земля, и придвигал камни туда, где вода норовила прорваться в сторону. Они работали медленно: камень, проверка, ещё один камень. Если вода уносила мелкую гальку, друзья пробовали снова.

Звезда не торопилась.

— Может, она не хочет возвращаться, — сказал Лумо.

— Может, ждёт, пока мы перестанем шуметь над ней, — ответила Мира.

Они замолчали. Вода просочилась между камнями и потекла по маленькому руслу. Сначала звезда только качнулась. Потом скользнула на ширину пальца. Ещё немного — и золотистый шарик плавно перекатился в ручей.

Течение подхватило его и понесло к середине потока. Звезда вспыхнула. На воде засияла её дорожка, а небо в ручье стало глубже и ярче, будто кто-то расправил над лесом синюю ткань.

Мира улыбнулась. Лумо тоже — не широко, не для храбрости, а по-настоящему.

— Ты хорошо укладываешь камни, — сказал он.

— А ты умеешь удерживать берег.

— Даже если не умею летать?

— Даже если не умеешь летать.

Лумо опустил взгляд на крыло. Оно дрогнуло, но он не стал прятать его.

— Я могу проводить тебя через лес, — предложил он. — Там есть тропа, которую не видно, пока идёшь один. Только я не могу лететь впереди и показывать дорогу сверху.

— Тогда пойдём рядом, — сказала Мира. — Если ты не против, чтобы я иногда задавала вопросы.

— Если ты не против, чтобы я иногда отвечал не сразу.

— Договорились.

Это не была клятва на всю жизнь. Никто не обещал никогда не ошибаться, никогда не бояться и всегда знать, куда идти. Они просто решили сделать следующий кусочек пути вместе.

Когда Мира поднялась, между её ладонью и крылом Лумо вспыхнула крошечная искра. Она не вырвалась из драконьей пасти и не упала с неба. Искра появилась в воздухе, где только что лежала осторожность, и сразу погасла, оставив после себя тёплое золотое мерцание.

— Что это было? — спросил Лумо.

— Не знаю, — сказала Мира. — Но ловить её, кажется, не нужно.

Они двинулись вдоль ручья. Лумо шёл чуть впереди, потом заметил, что Мира отстала, и замедлил шаг. Она заметила это и не стала притворяться, будто ей не нужно передохнуть. Так, маленькими поправками, они учились идти рядом.

В этом и прячется практическая сторона первого знакомства. Доверие не обязано возникать мгновенно. Более того, осторожность сама по себе не делает нас недобрыми. Когда человек не знает, чего ждать, мозг быстрее замечает возможную опасность: напряжённые мышцы, резкий голос, слишком быстрый шаг. Это естественная система защиты, а не доказательство того, что перед нами враг. Иногда другой человек тоже насторожен — потому что боится отказа, насмешки или того, что его слабость заметят.

Поэтому хорошее начало — не угадать чужие мысли, а дать им немного места. Спросить: «Можно я помогу?» — и действительно принять ответ, даже если услышишь «пока не надо». Объяснить, что собираешься сделать. Предложить маленькое общее дело, в котором никто не должен сразу доверять другому всё.

Так люди и проверяют слова поступками. Не грандиозным спасением мира, а мелочами: один придержал дверь; другой вернулся за забытым шарфом; один выслушал, не перебивая; другой честно сказал, что не справляется. Общая задача может помочь знакомству, потому что внимание на время переносится с вопроса «нравлюсь ли я?» на вопрос «что мы можем сделать вместе?». Это не превращает незнакомцев в друзей по волшебству, но даёт им шанс увидеть друг друга яснее.

Попробуй маленькое упражнение «Камешек доверия».

1. Заметь свои сигналы. Перед новым знакомством спроси себя: я сейчас спешу, тревожусь, хочу понравиться любой ценой или, наоборот, готов заранее оттолкнуть человека? Не ругай себя за ответ. Достаточно его заметить.

2. Предложи помощь с выбором. Вместо «Дай, я сделаю» скажи: «Хочешь, я помогу? Если нет — всё в порядке». Такой вопрос оставляет другому право решать за себя.

3. Сделайте что-нибудь небольшое вместе. Разложите книги, найдите дорогу, приготовьте чай, почините сломанную игрушку. Неважно, получилось ли идеально. Важно, удалось ли вам слушать друг друга и менять план, если первый не сработал.

4. После дела назови то, что заметил. Например: «Спасибо, что подождал, пока я закончу», или «Я увидел, что ты не стал торопить меня». Конкретная благодарность звучит убедительнее, чем обязательное «ты замечательный».

И ещё один важный камешек: чужие границы — не препятствие дружбе. Это берега, благодаря которым река не разливается куда попало. Можно спросить разрешения, можно передумать, можно сказать «нет» и можно предложить другой способ помочь. Если на твоё «нет» сердятся или начинают давить, это не повод стыдиться своей осторожности. Доверие должно расти с обеих сторон.

Мира и Лумо не стали близкими за один вечер. Они сделали первый шаг — достаточно маленький, чтобы на него решиться, и достаточно настоящий, чтобы запомнить. Она спросила, прежде чем коснуться его крыла. Он удержал камни, пока она помогала. Вместе они вернули звезду в ручей не заклинанием, а терпением, вниманием и несколькими подходящими камешками.

Иногда чудо — не тот миг, когда исчезают все страхи. Чудо — это когда, несмотря на страх, один человек спрашивает, а другой отвечает; когда помощь не отнимает свободу, а общее дело делает дорогу чуть надёжнее. А впереди, за ручьём, лес уже слушал их шаги. Кажется, он ждал не громких обещаний, а того, сумеют ли новые друзья слышать друг друга, когда тропа станет совсем тихой.

Тайна леса, что слушает сердца

Иногда человек говорит: «Я совсем не волнуюсь», — и в ту же минуту так крепко сжимает ремешок рюкзака, что белеют пальцы. Он может стоять у школьной двери перед первым выступлением, у незнакомого дома или у начала трудного разговора. Слова уверяют: всё в порядке. Тело шепчет: мне страшно. И если этот шёпот долго не замечать, он становится громче — не потому, что с нами что-то не так, а потому, что важное чувство просит места.

Мира заметила, как лес начал шептать, ещё до того, как они вошли под его кроны.

Сначала шелестела одна ветка. Потом другая подхватила звук, третья ответила ей с опозданием, и вскоре казалось, что деревья переговариваются через всю чащу. Ветер был слабым, но листья двигались так, словно передавали друг другу записки.

— Слышишь? — спросила Мира.

Лумо поднял уши. На кончиках его крыльев блеснули золотистые искры.

— Слышу, — сказал он. — Только не понимаю, о чём они.

Они искали дорогу к горе, которую видели на карте, — ту самую, куда вела их цель. Лесная тропа должна была начинаться у раздвоенной сосны и идти на север. Но компас у Миры показывал то в одну сторону, то в другую, а две тропинки, похожие на правильную, раз за разом приводили их к одному и тому же упавшему стволу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.